

Катунин Ю.А.

«Староцерковное» и «обновленческое» течения Крыма в 1922 – 1924 годах.

В ноябре 1922 года в Крыму состоялся суд над группой духовенства во главе с Таврическим архиепископом Никодимом. Партийные и государственные органы попытались использовать дело «церковников» для организации давления в отношении представителей «староцерковного» движения, являвшихся сторонниками Патриарха Тихона. Особая роль при освещении суда отводилась крымской прессе. Однако, несмотря на то, что суду удалось доказать вину архиепископа в организации хищения и сокрытия ценностей во время голода 1921-1922 годов, за что он был осужден на 8 лет, средствам массовой информации так и не удалось сформировать в общественном мнении негативное отношение к Владыке как к лидеру «контрреволюции», наоборот, его имя стало знаменем «староцерковного» движения православия Крыма. Этому способствовала крайне неудачная деятельность во время суда «экспертов-обновленцев» - симферопольского священника Эндеми и одного из лидеров «обновления» России Красницкого, которые в своих выступлениях допускали оскорбительные высказывания не только в отношении архиепископа Никодима, но и в отношении духовенства Крыма, оставшегося на позициях «староцерковного» движения. Первые же выступления «экспертов» свели на нет все усилия партийной идеологической машины, которая в ходе процесса должна была сформировать в общественном сознании негативное отношение к православной церкви, изобразив ее в качестве врага Советской власти. Однако эффект оказался совершенно противоположным. Последствия процесса были столь негативными, что органы государственной власти Крыма вплоть до начала лета 1923 года были вынуждены подавлять в различных местах полуострова недовольство верующих, вызванное решениями суда.

Для подавления «смуты староцерковников» в ряд регионов полуострова были направлены новые руководители церковных столов. В частности, смена руководства церковного стола произошла в г. Евпатории, где местные священники и верующие отказались признавать Таврическое Епархиальное управление, созданное представителями «обновленческого» движения. 23 января 1923 года на должность заведующего церковным подотделом Отуправа Евпаторийского окрисполкома был назначен профессиональный чекист Шолох-Терлецкий. В одном из своих первых отчетов в НКВД Крыма он писал: «Почву для раскола православной церкви в Евпаторийском округе я нахожу подходящей и прошу принять меры к скорейшему приезду в Евпаторию представителя нового церковного движения.

Новой группе верующих можно будет предоставить в пользование местный православный собор, находящийся в распоряжении старой церкви. Мотивы для расторжения договора я найду самые незаконнейшие.

Свои задачи я понимаю как чекист и проводить их в жизнь буду как чекист, каковым я всегда останусь».¹

Шолох-Терлецкий оказался профессионалом своего дела, об этом свидетельствует тот факт, что уже в 1923 году в «опальной» Евпатории появляется «обновленческая» община, духовенство которой начинает играть важную роль в борьбе с представителями «староцерковного» движения. Особую роль в создании в городе «обновленческой» общины сыграл протоиерей Иоанн Сербинов, который был назначен благочинным Евпаторийского округа.

Активная поддержка «обновленческого» движения со стороны руководства Крыма начинается осенью 1922 года. Об этом свидетельствует проведение кампании по заключению договоров о передаче верующим православных храмов г. Симферополя. Основанием для заключения договора о передаче храма в пользование верующим являлось заявление, подписанное не менее чем 20 гражданами города. В случае поступления нескольких заявлений органы власти удовлетворяли просьбу группы верующих, подавших заявление ранее.

Однако, начав кампанию поддержки «обновленческого» движения, крымские органы власти не только отдавали предпочтение сторонникам этого движения, но иногда и сами инициировали передачу храмов в их пользование. Рассмотрим это на примере передачи верующим главного храма епархии – Александро-Невского кафедрального собора. События, связанные с передачей этого культового здания, позволяют нам показать реальную картину взаимоотношений между представителями различных течений православия, которые были характерны для всех регионов Крыма сразу же после завершения процесса над «церковниками».

5 августа 1922 года в НКВД Крыма поступило заявление от 20 верующих г. Симферополя, принадлежащих к «староцерковному» течению православия, в котором они ходатайствовали о передаче в их пользование здания кафедрального собора. Более месяца это заявление не рассматривалось.

12 сентября 1922 года в НКВД поступает заявление от представителя «обновленческого» движения в Крыму протоиерея Эндеки о передаче кафедрального собора в пользование верующих «Живой церкви».

Учитывая, что в заявлении Эндеки отсутствовали подписи 20 верующих, было принято решение рассмотреть его заявление на одном из ближайших заседаний комиссии. Несмотря на то, что заявление было неправильно оформлено, оно не было отклонено. В течение месяца лидеру «Живой церкви» с большим трудом удается найти 20 жителей города, которые подписали бы заявление о передаче в их пользование здания храма.

15 ноября 1922 года Епархиальное управление рекомендовало НКВД Крыма заключить договор пользования с группой верующих, представляющих «обновленческое» движение.ⁱⁱ

23 ноября 1922 года комиссия в составе заведующего церковным подотделом НКВД Ф. Седых, представителя комиссариата юстиции А. Туманова, в присутствии настоятеля кафедрального собора протоиерея Назаревского, ключаря Казанского, протодиакона Хоменко и старосты Чернетенко произвела проверку имущества кафедрального собора. Комиссия сравнила опись имущества, составленную 7 мая 1922 года, с наличными вещами и сделала заключение о том, что все имущество, зафиксированное в описи, имеется в наличии, за исключением двух дарохранилищ (медной и серебряной), ящика с третьей дарохранилищем, чаши для причастия, ковша для теплоты и тарелки из меди, которые были похищены 21 ноября 1922 года, когда в храме была обнаружена кража вещей. В храме в наличии оказались лишние вещи, в том числе вместо 88 диаконских стихарей их было 103, а вместо 67 риз – 82.ⁱⁱⁱ

2 декабря 1922 года, на второй день после завершения процесса, НКВД Крыма разрешил «обновленческому» протоиерею Калиновскому провести в главном храме епархии службу для верующих города вместо осужденного трибуналом духовенства кафедрального собора. Однако служба не состоялась из-за волнений верующих, возмущенных решением властей, осудивших архиепископа и некоторых священников епархии.

12 декабря 1922 года на заявлении верующих «обновленческого» движения о предоставлении им в пользование кафедрального собора в НКВД Крыма была наложена резолюция: «Заклучить договор с группой «Живая церковь» на передачу им в пользование, согласно закона, архиерейского подворья, собора города, часовен и Косьмодамиановского подворья г. Симферополя».^{iv}

18 декабря 1922 года ключи и имущество храма были переданы в распоряжение Таврического Епархиального управления. Однако служба, намеченная на этот день в храме, не состоялась, так как органы власти не успели передать руководству ТЕУ необходимое количество имущества, из-за чего вечернее богослужение состоялось в Николаевской церкви.

Вскоре после начала богослужения толпа верующих в количестве 200 – 300 человек, возглавляемая жителем г. Симферополя Моргуновым, ворвалась в Николаевскую церковь, сорвала службу и устроила в храме погром. Угрожая расправой епископу Петру, протоиереям Калиновскому и Дикареву, верующие отобрали у них ключи от собора.

В докладной записке в НКВД по поводу происшедшего инцидента епископ Петр указал, что особую роль в организации погрома играли архиепископ Дамаскин, священники Бычковский и Усов, псаломщик Марков, а также миряне – инженер Ларионов, его жена и верующая Н. Чуприлина.

19 декабря 1922 года прокуратурой Крыма в отношении зачинщиков беспорядков было возбуждено уголовное дело. Для предотвращения подобных инцидентов по решению органов НКВД храм был вновь опечатан.

5 марта 1923 года НКВД Крыма принимает специальное решение, в котором отмечалось: «1. Объявить Симферопольский Александро-Невский собор центральным государственным хранилищем предметов религиозного культа на территории всего Крыма.

2. Означенный собор не подлежит передаче религиозной группе в качестве места отправления богослужения и исключается из списков коммунальных имуществ, предназначенных для этих целей.

3. Всякое имущество религиозного культа всех вероисповеданий, ликвидированное в установленном порядке местными отделами управления, подлежит сдаче в государственное хранилище – бывший Александро-Невский собор».^v

В этот же день было инсценировано ограбление нового «склада». Проникшие в храм злоумышленники разбросали имущество и осквернили собор.^{vi}

К концу марта в новом церковном хранилище находилось более 2,5 тысяч вещей, в том числе: 115 икон, 3 дарохранительницы, 1 дароносица, 2 металлических мирницы, 17 деревянных аналоев, 6 престолов и жертвенников, 27 комплектов архиерейских облачений, 113 комплектов облачений священников и 109 комплектов диаконского облачения и т.д.^{vii}

Однако после того, как властям Крыма силовыми методами удалось успокоить на полуострове «староцерковную» смуту, вновь стал вопрос о передаче собора верующим. Естественно, что в этой ситуации единственным претендентом на этот храм оказалась «обновленческая» церковь.

11 сентября 1923 года в НКВД Крыма с заявлением о передаче в их пользование здания кафедрального собора обратилась группа жителей г. Симферополя в количестве 21 человека. В этот же день их заявление без каких-либо процедур согласования было удовлетворено. В типовый договор от руки был дописан пункт следующего содержания: «За неприятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей,

вытекающих из сего договора, за прямое его нарушение мы подвергаемся уголовной ответственности по всей строгости Советского законодательства, причем договор может быть расторгнут по Постановлению Президиума КрымЦИКа».^{viii}

В феврале 1923 года вместо епископа Петра в Крым по решению Киевского Всеукраинского Высшего церковного управления управляющим ТЕУ был направлен епископ Александр (Раевский). Вместе с епископом в Крым прибыл протоиерей Николай Некрасов. Епископ Александр приступил к обязанностям руководителя Таврического епархиального управления 1 марта 1923 года.^{ix}

О своем вступлении в должность управляющего ТЕУ епископ 5 марта поставил в известность НКВД Крыма. Одной из причин перевода в другое место службы епископа Петра (Рождественского) было то, что ему не удалось поднять авторитет своего течения в глазах верующих епархии.

В Крыму координация работы по поддержке обновленческого движения была поручена Центральному Политическому Управлению (КПУ) при КрымЦИКе. После приезда епископа Александра (Раевского) Таврическое Епархиальное управление значительно активизировало свою пропагандистскую деятельность. Оно стало направлять в различные регионы Крыма обращения и воззвания к верующим, в которых сторонники патриаршей ориентации изображались в качестве контрреволюционеров. Однако на местах руководители милиции и сельских Советов стали запрещать агитаторам ТЕУ выступать с воззваниями «обновленцев» Крыма. Эти факты сразу же были пресечены со стороны НКВД. Заместитель наркома внутренних дел Ануфриев разослал на места циркуляр, в котором он потребовал поддержать движение «обновления».^x

9 марта Политуправление при КрымЦИКе обратилось в НКВД с просьбой об удалении из Симферополя иеромонахов Павла, Феодосия и Варсонофия, которые проводили среди населения города активную пропагандистскую работу в пользу «староцерковного» течения, призывая верующих молиться за осужденного архиепископа Никодима.^{xi}

21 марта 1923 года КПУ вновь обратилось к руководству НКВД с просьбой о поддержке «обновленческого» движения. В ходатайстве, направленном на имя Ануфриева, говорилось о сложном материальном положении ТЕУ. Политическое Управление просило НКВД: «... временно, до июня сего года, не взимать квартплату за занимаемые обновленческим Епархиальным Управлением помещения, состоящие из 2-х комнат по Александро-Невской улице, д.9, где проживают епископ Раевский Александр, протоиерей Некрасов, протодиакон Ермолай Семькин и священник Павел Кушнев».

КПУ считало «желательным ... передачу часовни в соборной ограде в ведение ТЕУ. В виду скудости средств... часовня может давать им некоторую материальную поддержку».

Крымское Политическое Управление рекомендовало «в интересах противодействия реакционному духовенству не лишать обновленцев некоторой возможной, негласной поддержки». Обращение было подписано начальником секретной особой части Корженко. По просьбе КПУ НКВД выделил «обновленцам» 2 митры, 2 архиерейских креста и комплект архиерейского облачения.^{xii}

НКВД учел все пожелания КПУ, однако уже в мае 1923 года НКВД Крыма предупредил руководство ТЕУ о том, что в случае неуплаты аренды за помещения Епархиальное управление будет выселено.^{xiii}

Руководство НКВД разрешило общинам храмов «обновленческого» движения создавать «братства» и «сестричества», которые оказывали помощь «двадцаткам» храмов в решении разнообразных хозяйственных вопросов. Такое «сестричество» было создано при Ялтинском Александро-Невском соборе. Это «сестричество» имело собственную форму – косынки с голубыми крестами.^{xiv}

В марте 1923 года «обновленческое» духовенство Крыма стало готовиться к проведению намеченного на апрель Архиерейского съезда духовенства и мирян Крыма. 29 марта в Архиерейской церкви Симферополя состоялось окружное собрание верующих Симферопольского благочиния.^{xv}

23 марта Таврическое Епархиальное управление обратилось в НКВД с просьбой о проведении 12 – 15 апреля 1923 года Архиерейского собрания, на котором предстояло заслушать доклад о состоянии «обновленческого» движения, решить вопрос об избрании епископа на Симферопольскую кафедру, избрать делегатов на Поместный Собор, который должен был состояться в Москве и решить вопрос о работе свечного завода. Разрешение НКВД было получено, однако 12 апреля съезд не состоялся: он был перенесен на 23 апреля 1923 года.^{xvi}

Участие в епархиальном съезде приняли делегаты от всех благочиний, входивших в состав «обновленческой» церкви, том числе и от благочиний, расположенных на материковой части: от Ново-Троицкого – 2 человека; Чаплинского – 5 человек и от В. Токмакского – 2 человека. Состоявшийся съезд показал, что Таврическое Епархиальное управление пользуется поддержкой достаточно большой части верующих и духовенства. В состав Таврического Епархиального управления были избраны: С.А. Баженов, С.И. Белов, В.Г. Митилико, К.П. Матушевский, В.Д. Бренев, А.К. Амети-стов, Л.А. Крыжановский, Г.И. Козловский, Я.Д. Бычек, П.Л. Фурса, И.И. Родников, З.И. Дмитренко, Б.Г. Котляревский, К.Р. Арнаутов, Г.К. Новиков, И.И. Сербинов, А.А. Христенко, А.Г. Тимошилова, М.Д. Литвиненко, И.Т. Гикс, В.И. Попов, Н.С. Дахнов, Ф.А. Донцов, Н.В. Некрасов и Е.А. Семькин.

Несмотря на лояльное (в сравнении со «староцерковниками») отношение к «обновлению», НКВД Крыма иногда «ставил на место» представителей этого течения, т. е. использовал и в их отношении метод «кнута и пряника». Так, Крымская делегация, избранная для участия в Поместном Соборе, выехала в Москву без двух делегатов. НКВД задержал накануне поездки священника села Таганаш Джанкойского округа Ивана Родникова и делегата от Новотроицкого благочиния Мелитопольского уезда Филиппа Донца. Священник Родников был задержан в связи с тем, что он не мог представить старых описей имущества своего прихода, а Филипп Донец – «до выяснения точного исполнения им требований Декрета об отделении церкви от государства».^{xvii}

В апреле 1923 года НКВД Крыма возбудил два уголовных дела в отношении священников-«обновленцев».

Первое дело было возбуждено в отношении приходского совета Ялтинского собора Александра Невского. В НКВД стало известно о том, что без согласования с органами власти, в нарушение ряда пунктов договора, приходской совет собора за денежное вознаграждение сдал в аренду, на условиях уплаты 50% от продажи свечей, группе верующих-греков (105 человек) нижнюю церковь собора.

По условиям соглашения, службу в нижней церкви совершали греческие священники Георгий Попандопуло, Константин Мавромади и Анфин Попандопуло, которые прибыли в Крым в 1928 году из Трапезунда. Ялтинский окружной исполнительный комитет информировал НКВД, что возглавлявший приходской совет Петр

Сербинов был в Ялте единственным священником, лояльно настроенным к Советской власти.^{xviii} Эта информация позволила разрешить конфликт.

Второе дело, возбужденное НКВД, было связано с деятельностью руководства свечного завода. 13 февраля 1923 года на баланс Центрального Совета Народного хозяйства был передан Епархиальный свечной завод.^{xix}

В этот же день, в соответствии с договором между НКВД и Таврическим Епархиальным управлением, имущество завода передавалось представителям «обновленческого» движения.^{xx}

В состав правления свечного завода входили: протоиереи Калиновский и Дикарев, священники Федоров, Белов, а также мирянин Иващенко.

В апреле 1923 года органами НКВД было выявлено, что на заводе существовали излишки имущества, ранее не внесенные в описи. По распоряжению протоиереев Калиновского и Дикарева священник Федоров реализовал значительную часть имущества товариществу «Винодел», за которое были получены наличные деньги в сумме 87 840 рублей. НКВД передал материалы дела в суд.^{xxi}

Поддержка одного из течений православной церкви органами власти не означала для него полной свободы действий. НКВД продолжал планомерную работу по реализации Декрета об отделении церкви от государства, в соответствии с которым закрытию подлежали все домовые церкви и храмы при учебных заведениях.

В 1922 – 23 годах были закрыты следующие домовые церкви и храмы при учебных заведениях:

Евпаторийский округ - Кирилло-Мефодиевская церковь при бывшей гимназии; Польский католический костел; синагога и 9 мечетей.

Ялтинский округ - домовая церковь при санатории бывшего духовного ведомства; костел в имении кн. Долгорукова; домовая церковь в Джеми-Эти; гимназическая церковь; домовая церковь в Леснинском убежище; домовая церковь в здании Красного Креста; церковь во имя Николая Чудотворца и приписанная к ней церковь св. Иоанна Предтечи в совхозе «Массандра»; домовая церковь в имении Гаспра; домовая церковь детского санатория в Алушке; домовая церковь в санатории Харакс, домовая церковь в Ливадийском санатории № 6 и домовая церковь в Симеизе.

Керченский округ - бывшая институтская церковь; Еникальская синагога; временный молитвенный дом крымчаков; синагога нижних чинов; церковь при металлическом заводе; тюремная Евдокимовская церковь; церковь при приюте; крепостная церковь; церковь при богадельне и гимназическая церковь;

Симферопольский округ - больничная церковь во имя Рождества Богородицы; церковь во имя Святого Алексия на военном кладбище; семинарская церковь Трех святителей; Александро-Невская церковь; синагога Бес-Гомедраш; церковь во имя Святого Николая; хоральная синагога; собор Александра Невского и Таврический епархиальный свечной завод.^{xxii}

По данным НКВД, в августе 1923 года в Крыму действовало 132 православные церкви, 339 мечетей, 34 караимских и иудейских молитвенных домов, 18 католических костелов, 81 лютеранская кирха, 13 молитвенных домов евангелистов и 5 молитвенных домов других конфессий.^{xxiii}

В 1923 году начался активный процесс закрытия православных монастырей.

Своеобразной защитной реакцией церкви на начавшиеся гонения и ограничения стали чудесные «знамения», в том числе, - «обновление» икон.

Во второй половине 1923 года в Крыму произошло несколько случаев «обновления». Одно из них состоялось 8 октября 1923 года в Севастополе.

Обновление иконы Святого Николая началось в 7 часов 30 минут утра в молочно – шапочном ряду города. Очевидцами «обновления» иконы стала еврейская семья, проживавшая напротив комнаты, в которой это событие произошло. По мнению очевидцев, от иконы исходил необычайно яркий свет.

Это событие собрало огромное количество людей, которые организовали на улице толпу фанатично настроенных людей. Прибывших на место происшествия помощника начальника милиции Тюрина и заместителя председателя исполкома Богданова верующие в помещение не пустили, выразив им свое недоверие.

Для выяснения факта «обновления» была создана комиссия, в состав которой вошли священники «староцерковного» движения протоиерей Александр Виноградов, протоиерей Васильков и епископ Сергей, а также представители научного мира города. Все попытки комиссии подойти к иконе пресекались толпой. Для ее оттеснения власти были вынуждены вызвать пожарную команду, которая стала использовать водяные насосы. На любые попытки представителей органов власти и священнослужителей увезти икону на экспертизу толпа реагировала крайне отрицательно. Со всех сторон на членов комиссии сыпались оскорбления и угрозы. С огромным трудом икона была доставлена в Покровский собор г. Севастополя, где участниками комиссии был проведен ее тщательный осмотр. Комиссия пришла к заключению о том, что «икона не обновлялась».

Выводы комиссии вызвали дополнительный всплеск эмоций огромного количества верующих, собравшихся у собора. Вспыхнул импровизированный митинг, на котором выступавшие рассказывали истории о чудесных историях исцеления. Митинг продолжался до глубокой ночи; когда накал страстей прошел, верующие разошлись.

Аналогичное событие «обновления» произошло в деревне Ново-Ивановка Сарабузского района 12 декабря 1923 года. Комиссия также не подтвердила факта «обновления».^{xxiv}

6 февраля 1924 года Народный комиссариат юстиции РСФСР официально зарегистрировал Священный Синод Российской православной церкви. Таврическое Епархиальное управление, на основании Постановления ВЦИК от 12 июня 1922 года, было зарегистрировано как орган Священного Синода в Крыму.

18 января 1924 года Священный Синод Российской православной церкви издал Указ об утверждении ходатайства Таврического Епархиального управления от 31 декабря 1923 года о признании его в качестве полномочного органа «обновленческой» церкви на полуострове. Таким образом, серия этих законодательных актов делала движение «обновления» единственной легитимной религиозной организацией, действовавшей в Крыму.

Священный Синод утвердил руководящий состав ТЕУ в следующем составе: председатель – архиепископ Александр (Александр Семенович Раевский, украинец, 1868 г. рождения. Окончил 3 курса Киевской духовной академии); членов ТЕУ - протоиереи И. Федорова, И. Витковского и Н. Швеца, а также мирян А.П. Камбурлея и Н.Н. Боровикова.^{xxv}

9 февраля 1924 года умер один из активных деятелей обновленческого движения Крыма, благочинный Евпаторийского округа Иоанн Сербинов. С разрешения ЦАУ Крыма его похороны состоялись в ограде Евпаторийского собора.^{xxvi}

После официальной государственной регистрации Таврическое Епархиальное управление приступило к работе по районированию епархии на благочинные округа. Во все райгородминистрации были направлены запросы о регистрации в них церков-

ных и молитвенных зданий. Ответы поступили из всех округов Крыма. Только лишь Керченский горисполком отказал ТЕУ в предоставлении информации. Начальник админотдела ЦАУ Крымский предоставил в распоряжение Епархиального управления список всех церквей, зарегистрированных на полуострове в 1924 году. Всего, по данным этого списка, в Крыму действовало 102 православных храма (в список не вошли храмы Карасубазарского и Бахчисарайского районов): в Ялтинском районе – 12; Феодосийском – 23; Судакском – 3; Евпаторийском – 7; Керченском – 13; Севастопольском – 6; Симферопольском – 19 и Джанкойском – 9.^{xxvii}

Активизация деятельности Таврического Епархиального управления, поддерживаемого органами государственной власти, не сломила воли групп, придерживавшихся традиционных «староцерковных» взглядов. В 1924 году в Симферополе разгорелся спор между представителями «обновленцев» и «староцерковников-тихоновцев» по поводу проведения церковной службы на кладбищах города. Старое кладбище относилось к «тихоновской» группе, которая запретила сторонникам «обновленцев» проведение любых треб на его территории. Вновь созданное Новое кладбище было закреплено за представителями «обновления», которые, в свою очередь, ограничивали на нем деятельность священников «тихоновской» ориентации.^{xxviii} Государственные чиновники не вмешивались в этот и другие конфликты, периодически возникавшие между сторонниками этих течений, объявляя, что это внутреннее дело церкви.

В октябре 1924 года в Крыму во вновь созданных «обновленческих» благочиниях прошли съезды священников и мирян, на которых были избраны благочинные советы, а также делегаты на Епархиальный съезд.

7 октября в церкви Четырех Святителей в городе Симферополе (ул. Р. Люксембург, д.9) состоялся съезд Симферопольского благочиния, а 29 октября в этом же здании состоялся съезд Карасубазарского и Бахчисарайского благочиний.

После того, как Таврическое Епархиальное управление было официально зарегистрировано в Центральном Административном Управлении Крыма (бывшее НКВД), в городах и районах стали регистрировать отделения ТЕУ, которые, как правило, соответствовали благочинным округам. Проведение в различных городах и районах обновленческих съездов, в первую очередь, было необходимо для юридической легализации новых благочиний.

2 ноября 1924 года в здании Симферопольской церкви Четырех Святителей состоялся Таврический Епархиальный съезд, на котором было рассмотрено 8 вопросов, в том числе: о монашестве и монастырях; о создании при Епархиальном управлении «пятерки», а при благочиниях – «троек» для борьбы с «тихоновщиной»; об открытии пастырских курсов для подготовки кадров священников и т.д.

По своей сути, это был съезд священников-радикалов, которые основную цель своей дальнейшей работы видели не просто в ограничении деятельности «староцерковников», а в тотальном наступлении на их позиции. Для этого при высших органах церковной власти Крыма создавались специализированные «тройки» и «пятерки». Съезд принял решение поддержать государственные органы власти в вопросе закрытия и преобразования крымских монастырей в сельскохозяйственные артели и коммуны. Эти решения съезда имели под собой серьезные основания, так как в это время монастыри, как правило, являлись духовными центрами, поддерживавшими «староцерковников», а монахи были наиболее активными противниками «обновленцев».^{xxix}

Лидеры обновления Крыма не только поддерживали, но иногда и сами инициировали многие политические кампании, которые могли нанести урон движению «староцерковников». Так, 15 декабря 1924 года, после того, как община Херсонесского

Владимирского собора решила перейти под юрисдикцию «староцерковников», в храме было организовано вскрытие мощей, являвшихся реликвиями Херсонесского монастыря.^{xxx}

В первой половине 1925 года негласная поддержка государством движения «обновления» привела к тому, что ряд православных общин Крыма «староцерковного» движения отказался проходить очередную перерегистрацию.

В декабре 1924 года ЦАУ Крыма принимает решение о перерегистрации состава «двадцаток» всех культов. При перерегистрации община обязана была заверить списки в вышестоящих религиозных объединениях. Православные общины должны были сделать это в Таврическом Епархиальном управлении или у его представителей на местах.^{xxxii}

В циркуляре № 4, направленном ЦАУ во все райисполкомы, подчеркивалось, что по всем внутрицерковным вопросам перерегистрации православные верующие должны были обращаться в ТЕУ.

Это вызвало протесты со стороны религиозных православных течений Крыма, не считавших Таврическое Епархиальное управление каноническим православным органом. В местные органы власти стали поступать заявления, в которых верующие отказывались согласовывать вопросы регистрации своих учредительных органов в ТЕУ.

В марте 1925 года ЦАУ вынуждено было отменить свое решение о регистрации православных общин на основании документов Таврического Епархиального управления. На места был разослан циркуляр № 11, в котором отмечалось: «в виду того, что некоторые православные группы верующих по различным причинам отказываются обращаться в ТЕУ и к его уполномоченным за соответствующими визами..., направлять за получением таковой к православным священникам-благочинным, не связанным с Таврическим Епархиальным управлением».^{xxxii}

Однако этот циркуляр ЦАУ на местах фактически не выполнялся: об этом свидетельствовал поток жалоб от ряда религиозных общин г. Феодосии.^{xxxiii} Во многих райисполкоммах установили непомерные размеры пошлин при регистрации общины – до 25 – 30 рублей. ЦАУ вынужден был установить единый официальный тариф: за подпись в заявлении – 1 рубль, за оригинал договора – 1 руб. 65 коп.^{xxxiv}

Органы власти г. Керчи пошли еще далее: они объявили, что без регистрации православных общин в ТЕУ проведение службы в храме будет запрещено под угрозой закрытия церкви. Верующие направили жалобы на подобные действия местных властей во ВЦИК РСФСР. Только лишь при вмешательстве центральных органов власти этот конфликт удалось урегулировать.^{xxxv}

В 1925 году амбиции представителей крымского «обновления» настолько возросли, что Таврическое Епархиальное управление было преобразовано в Крымское Митрополитанское Церковное Управление. Создание этого автономного органа не только осложнило отношение «обновленческого» духовенства Крыма со Священным Синодом, но и привело к активизации на полуострове групп «староцерковников», «автономистов», верующих-греков и созданию группы «автокефалистов». По сведениям ЦАУ, в Крыму в это время было зарегистрировано 5 православных течений: «староцерковники», «обновленцы», «автокефалисты», последователи «Живой церкви» и последователи «Древлеапостольской церкви».^{xxxvi}

Деление на эти течения было условным, все они тяготели, вернее, являлись частями двух течений: «обновленческого» и «староцерковного». К «староцерковному» течению относились «автономисты», «автокефалисты» и греческое благочиние.

«Живая церковь» и «последователи Древлеапостольской церкви» – являлись сторонниками «обновления». Государству было выгодно создавать, а затем и официально регистрировать эти течения как самостоятельные общины или группы. При этом государство выполняло одну негласную функцию: оно не допускало, чтобы в Крыму доминирующим становилось одно из этих течений. Несмотря на поддержку «обновленцев», на полуострове достаточно уверенно себя чувствовали и представители «староцерковников». На основании данных ЦАУ за 1925 год, постараемся определить, к какому из направлений относилось большинство зарегистрированных в Крыму православных общин.

В городе Симферополе господствующее положение занимали «обновленцы». Из 11 действующих приходов 7 принадлежали к этому течению. Храмы города делились следующим образом: ^{xxxvii}

Название храма	Течение	Ф.И. О. настоятеля
Александро-Невский собор	Обновленцы	Радковский Д. П.
Николаевская церковь	Обновленцы	Бессонов Н.И.
Спасская церковь	Обновленцы	Матушевский К.П.
Всехсвятская церковь	Обновленцы	Швец Н.Ф.
Собор Петра и Павла	Обновленцы	Никипорчик И.В.
Мартиниановская церковь	Обновленцы	Федоров И.А.
Митрополитанская церковь	Обновленцы	Замараев А.А.
Преображенская церковь	Староцерковники	Казанский Н.Ф.
Константино-Еленинская церковь	Староцерковники	Маслов В.С.
Вознесенская церковь	Староцерковники	Нужный П.И.
Введенская церковь	Староцерковники	Чугреев Г.Л.

В Симферополе господствующее положение занимали сторонники «обновления», которые не только количественно преобладали в городе, но и владели наиболее крупными и доходными храмами. Однако господствующее положение в Симферопольском районе занимали «староцерковники». Из 18 действовавших в районе храмов 9 принадлежали «староцерковникам» и 8 – «обновленцам». Один храм относился к «автокефалистам». ^{xxxviii}

«Обновленческие» приходы Симферопольского района:

Название храма	Место расположения	Ф.И. О. настоятеля
Успенская церковь	д. Чистенькое	Зинченко И.М
Николаевская церковь	д. Джалман	Капустин П.А.
Покровская церковь	д. Саблы	Перхорович В.О.
Николаевская церковь	д. Дорткуль	Кульчицкий В.И.
Александровская церковь	д. Александровка	Крайнюков Г.М.
Покровская церковь	д. Бешерань	Файнберг И.А.

Трехсвятительская церковь	д. Григорьевка	Серженко А.П.
Александровская церковь	д. Онлар	Левитский А.М.

Приходы «староцерковников»:

Название храма	Место расположения	Ф.И. О. настоятеля
Николаевская церковь	д. Зуя	Гапко П.Д.
Николаевская церковь	д. Мазанка	Бычковский К.Н.
Молитвенный дом	д. Збурьевка	Старицкий И.А.
Молитвенный дом	д. Аджи-Ибрам	Канищев И.С.
Молитвенный дом	д. Н. Федоровка	Верготин И.И.
Владимирская церковь	д. Тавель	Тетиевский В.Д.
Воскресенская церковь	д. Сарги-Кият	Кравец Х.Т.
Митрофановская церковь	д. Н. Павловка	Иватошников Г.Ф.
Александровская церковь	д. Анна-Эли	Бычковский А.К.

«Автокефальный» приход церкви Святого Георгия, который располагался в д. Кисек-Аратук, возглавлял Морозов Ф.И.

Таким образом, мы видим, что превосходство «обновленцев» в городе Симферополе было «нейтрализовано» достаточно большим числом добротных построенных и ухоженных храмов «староцерковников», расположенных в непосредственной близости от столицы Крыма.

В других городах и районах Крыма церкви были поделены между следующими православными течениями: ^{xxxix}

г. Керчь - приходы «староцерковников»: ^{xi}

- Свято Троицкий собор;
- Афанасьевская церковь;
- Гавриило-Варваринская церковь;
- Александро-Невская церковь;

К «обновленческому» течению г. Керчи в 1925 году относилась только Братская церковь.

В Керченском районе из 8 действующих православных храмов 7 относились к «староцерковному» течению, 1 – к «автокефалистам» и не было ни одного «обновленческого» прихода. ^{xli}

«Староцерковные» приходы Керченского района:

- Владимиро-Васильевская церковь - д. Дерье-Салык;
- Александро-Невская церковь – д. Казантип;
- Свято-Марфинская церковь – д. Марфовка;
- Вознесенская церковь – Ст. Карантин;
- Успенская церковь – п. Еникале;
- Иоанно-Богословская церковь – п. Аджимушкой.

К «автокефалистам» относилась греческая церковь г. Керчи.

В городе Севастополе и Севастопольском районе в 1925 году «староцерковники» имели всего лишь 3 прихода. Господствующее положение здесь занимали «обновленцы». Отличительной особенностью Севастопольского района было то, что «обновленцев», т.е. движение, негативно относившееся в это время к «черному» духовенству, поддерживали монахи Инкерманского и Георгиевского монастырей, создавших на территории обителей «обновленческие» приходы. На территории Севастопольского района также действовало 4 «автокефальных» храма.

К «обновленческому» движению относились следующие храмы г. Севастополя и Севастопольского района:^{xliii}

- Николаевский собор; Покровский собор; Петро-Павловская церковь; Михайловская церковь; Кладбищенская церковь; Вознесенская церковь; церковь Братского кладбища; Троицкая церковь в д. Кадыковка; Константино-Еленинская церковь д. Корань; Мартинаиновская церковь д. Камары; Преображенская церковь – д. Бельбек.

К «староцерковному» движению относились следующие севастопольские храмы: Больничная церковь, а также – Александро-Невская и Митрофаньевская церкви.

К «автокефальным» храмом относились: Владимирский собор; Греческая церковь; Николаевская церковь в г. Балаклаве; церковь Всех Скорбящих в Инкермане.

В Феодосийском районе господствующее положение занимали сторонники «староцерковников», им принадлежало 18 из 25 храмов. 4 храма имели «обновленцы» и 3 принадлежали «автокефалистам».

Движению «староцерковников» принадлежали следующие храмы:

- Успенская церковь – г. Старый Крым;
- Александро-Невский собор – г. Феодосия;
- Казанский собор – г. Феодосия;
- Пантелеймоновская церковь – г. Феодосия;
- Всехсвятская церковь – г. Феодосия;
- Екатерининская церковь – п. Сарыголь;
- Архангело-Михайловская церковь – д. Владиславовка;
- Александро-Невская церковь – д. Шубино;
- молитвенный Дом – д. Корани;
- Архиповская церковь – д. Эсен-Эни;
- Николаевская церковь – д. Сейджук;
- Николаевская церковь – д. Чокрак;
- Александровская церковь – с. Болгарщина;
- Скорбященская церковь – д. Насыпкой;
- Вознесенская церковь – д. Кишлав;
- Параскеевская церковь – бывший Топловский монастырь;
- Знаменская церковь – д. Кишлав;
- Вознесенская часовня – д. Акмениз.

«Обновленческие» приходы были расположены в следующих селениях Феодосийского района: Александро-Невская церковь – д. Ички; Покровский молитвенный дом – д. Кият; Георгиевская церковь – д. Андреевка; Константино-Еленинская церковь – д. Митрофановка.

К «автокефальным» приходам относились: церковь Введения Богородицы – г. Феодосия; церковь Иоанна Предтечи и часовня Святого Георгия – г. Старый Крым.

В Евпатории, негативно встретившей движение «обновления» в 1922 году, к середине 1925 года обстановка изменилась кардинальным образом. В городе не осталось ни одного «староцерковного» прихода. Из 7 действовавших в Евпаторийском

районе храмов 6 относились к «обновлению» и 1 – к «автокефалистам». К «обновлению» относились: Николаевский собор г. Евпатории; Ильинская церковь г. Саки, а также Свято-Варваринская, Николаевская и Георгиевская церкви, расположенные в различных селениях района. Свято-Ильинская церковь города Евпатории подчинялась Константинопольскому патриархату.^{xliii}

В Джанкойском районе действовало 12 православных храмов, из них: 5 «староцерковного» и 7 - «обновленческого» течений.

Сторонники «староцерковного» течения владели храмами в д. Курман-Кильменчик, д. Н. Покровка, п. Перекоп, д. Таганаш.

«Обновленцам» принадлежали храмы в деревнях: Айбары, Ак-Шейх, Воинка, Мартыновка, Армянском-Базаре.

В Ялтинском районе в 1925 году господствующее положение занимали «автономисты». К ним относились: Александро-Невский собор, собор И. Златоуста, Успенская и Воскресенская церкви. «Автономистам» также подчинялись церкви, расположенные в Ялтинском районе: Архангела Михаила – в Алушке; Скорбященская - в Симеизе; Вознесенская - в Кореизе; Вознесенская – в Ливадии; Успенская – в Гурзуфе; Преображенская – в Никитском Ботаническом саду; Тихвинская – на Исаре; Ф. Стратилата – в Алуште; Вознесенская – в Карасане и Казанской Божьей Матери – в Кизилташе.^{xliv}

«Обновленцам», возглавляемым епископом Зверевым, в Ялте принадлежал всего лишь один храм – церковь Всех Святых.

Церковь Ф. Стратилата в Аутке подчинялась греческому благочинию г. Севастополя.^{xlv}

В Карасубазарском районе господствующее положение занимали «обновленцы», они владели 6 храмами, которые были расположены в следующих населенных пунктах: Николаевский собор – в г. Карасубазаре; Ильинская церковь – в г. Карасубазаре; Дмитриевская церковь – в д. Арганчин; Константиновская церковь – в д. Карачик; два молитвенных дома были расположены в деревнях Васильевка и Кабурчак.

«Староцерковное» течение владело в Карасубазарском районе одним храмом – в д. Н. Царицино.^{xlvi}

Достаточно оригинальное название церквей в 1925 году было придумано чиновниками Бахчисарайского района. 27 мая 1925 года в Симферополь ими была направлена справка о деятельности на территории района трех церквей - Николаевского собора, принадлежавшего «автокефалистам», Петропавловской церкви д. Мангуш и Покровской церкви д. Албат, которые, соответственно, относились к «староцерковникам» и «автокефалистам». ЦАУ Крыма потребовало уточнить количественный состав православных приходов района и их принадлежность к различным течениям православной церкви.

18 сентября 1925 года Бахчисарайский райисполком направил в ЦАУ ответ, из которого следовало, что в районе действуют 8 православных церквей, при этом не указывалось название церкви, а назывались лишь селения, в которых они действуют, причем, каждая из перечисленных церквей называлась «мертвой»:

- д. Пычки – мертвая;
- д. Биясала – мертвая;
- д. Албат – мертвая;
- д. Болта-Чекрак – не функционирует;
- д. Лаки – мертвая;
- д. Арчи – мертвая;

- г. Бахчисарай – мертвая.

Подобный ответ ввел в недоумение сотрудников ЦАУ, которые вновь были вынуждены направить запрос в Бахчисарай с просьбой объяснить, что местные органы власти понимают под термином «мертвая». Ответ на этот запрос был не менее оригинален, чем и сама информация от 18 сентября. Он гласил о том, что «под термином «мертвая» нужно понимать то, что они не являются ни «обновленческими», ни «живыми», т.к. «богослужебные традиции у них остались без изменений, ... разницы с православной церковью у них нет».^{xlvi}

Учитывая уровень подготовки «специалистов» Бахчисарайского района, курировавших вопросы деятельности религиозных организаций на территории района, в расшифровку принадлежности общин к одному из течений вмешалось ОГПУ Крыма, которое направило в ЦАУ справку, что все перечисленные церкви относятся к «староцерковному» - «тихоновскому» течению. Лишь церковь в деревне Мангуш относилась к «автокефалистам», так как непосредственно подчинялась Константинополю.^{xlvi}

По информации, затребованной ЦАУ Крыма от райисполкомов, получалось, что на территории Крыма к началу осени 1925 года действовало 140 православных приходов, в том числе: 58 церквей принадлежало «староцерковному» движению; 55 – «обновленцам»; 13 - «автокефалистам» и 14 – «автономистам».

Однако «статистика» ЦАУ в эти годы была настолько несовершенной, что мы можем говорить лишь о приблизительности этих данных, так как еще в одном отчете ЦАУ за 1925 год приводятся информация о деятельности на полуострове 64 «староцерковных» и 59 «обновленческих» храмов.^{xlvi}

Таким образом, мы можем сделать вывод, что органы власти Крыма не позволяли доминировать на полуострове какому-либо из двух соперничающих между собой течений православной церкви – «староцерковникам» и «обновленцам», систематически стравливая друг с другом эти враждующие между собой течения. Обескровленные в этой борьбе приходы государство под любым предлогом ликвидировало, расторгая договоры с общинами верующих.

К августу 1925 года в Крыму местными органами власти было закрыто следующее количество церквей: в Симферопольском районе – 41 храм, в том числе 11 православных; в Севастопольском районе – 9 церквей разных конфессий, из них 8 православных; в Евпаторийском районе – 9, из них 1 православная; в Джанкойском районе 19 церквей, из них 2 православные; в Керченском районе 16 храмов, из них 9 православных; в Бахчисарайском – 5 храмов Успенского скита; в Феодосийском – 12 храмов, в том числе 6 православных, включая и церкви Топловского монастыря; в Судакском районе было закрыто 3 православных храма, 2 из них – в Кизилташском монастыре; в Ялтинском районе – 19 храмов, 18 из них – православные, в том числе – 3 церкви Косьмодамиановского монастыря.¹

Всего за три года с начала проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства, по данным ЦАУ, в Крыму, к августу 1925 года было закрыто 133 церкви, из них 63, или почти 50%, православные храмы всех течений. При этом нужно учитывать, что, закрывая православные храмы на территории полуострова, государственные чиновники «заботились» о том, чтобы не нарушался баланс сил между «староцерковниками» и «обновленцами».

¹ Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК) – Ф. Р. 663. – Оп. 10. – Д. 812. – Л. 18.

² Там же. – Р. 663. – Оп. 10. – Д. 221. – Л. 142.

-
- iii Там же. – Д. 816. – Л. 4.
iv Там же. – Л. 143.
v Там же. – Д. 843. – Л. 166.
vi Там же. – Д. 796. – Л. 4.
vii Там же.
viii Там же. – Д. 796. – Л. 29.
ix Там же. – Д. 812. – Л. 52.
x Там же. – Д. 812. – Л. 231.
xi Там же. – Л. 189.
xii Там же. – Л. 124.
xiii Там же. – Д. 816. – Л. 82.
xiv Там же. – Д. 812. – Л. 432.
xv Там же. – Д. 392. – Л. 12.
xvi Там же. – Д. 393. – Л. 2.
xvii Там же. – Д. 816. – Л. 70.
xviii Там же. – Д. 812. – Л. 509-515.
xix Там же. – Д. 835. – Л. 1-13.
xx Там же. – Д. 825. – Л. 1-12.
xxi Там же. – Д. 816. – Л. 58-59.
xxii Там же. – Д. 816. – Л. 169.
xxiii Там же. – Л. 139.
xxiv Там же. – Д. 845. – Л. 1-2.
xxv Там же. – Д. 1139. – Л. 2.
xxvi Там же. – Д. 836. – Л. 18.
xxvii Там же. – Д. 836. – Л. 59.
xxviii Там же. – Д. 836. – Л. 46-47.
xxix Там же. – Д. 1139. – Л. 68.
xxx Там же. – Д. 1442. – Л. 11-12.
xxxi Там же. – Д. 1114. – Л. 3
xxxii Там же. – Л. 11.
xxxiii Там же. – Д. 1133. – Л. 218.
xxxiv Там же. – Д. 1114. – Л. 4.
xxxv Там же. – Л. 220.
xxxvi Там же. – Д. 1121. – Л. 272.
xxxvii Там же. – Д. 1298. – Л. 9.
xxxviii Там же. – Л. 9-10.
xxxix Там же. – Д. 1166.
xl Там же. – Л. 3.
xli Там же. – Л. 3.
xlii Там же. – Л. 26.
xliii Там же. – Л. 49.
xliv Там же. – Л. 17.
xlv Там же.
xlvi Там же. – Л. 24.
xlvii Там же. – Л. 11.
xlviii Там же. – Л. 13.
xlix Там же. – Д. 1124. – Л. 22.
l Там же. – Д. 1133. – Л. 315-318.